

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
УКРАИНСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Александр
ДЮМА

ГРАФ МОНТЕ-КРИСТО

В двух томах

Том 2

Харьков
«Фолио»
2017

I

ГОСПОДИН НУАРТЬЕ ДЕ ВИЛЬФОР

Вот что произошло в доме королевского прокурора после отъезда г-жи Данглар и ее дочери, в то время как происходил переданный нами разговор.

Вильфор в сопровождении жены явился в комнату отца; что касается Валентины, то мы знаем, где она находилась.

Поздоровавшись со стариком и отослав Барруа, старого лакея, прослужившего у Нуартье больше четверти века, они сели.

Нуартье расположился в большом кресле на колесиках, куда его сажали утром и откуда поднимали вечером; перед ним было зеркало, в котором отражалась вся комната, так что даже не шевелясь — что, впрочем, было невозможно, — он мог видеть, кто к нему входит, кто выходит и что происходит вокруг. Неподвижный, как труп, он смотрел живым и умным взглядом на своих детей, церемонное приветствие которых предвещало нечто официальное и неожиданное.

Зрение и слух были единственными чувствами, которые, подобно двум искрам, еще тлели в этом теле, уже на три четверти готовом для могилы; да и из этих двух чувств только одно могло свидетельствовать о внутренней жизни, еще теплившейся в старике, и взгляд, говоривший о том, что он еще воспринимает окружающее, походил на далекий огонек, который ночью указывает заблудившемуся в пустыне страннику, что где-то есть живое существо, бодрствующее в этом безмолвии и мраке.

Зато в черных глазах старого Нуартье, над которыми нависали черные брови, тогда как длинные волосы, спадающие до плеч, были совершенно белы, в этих глазах — как бывает со всяким человеческим органом, действующим за счет остальных, —

сосредоточились вся энергия, вся воля, вся сила, весь разум, некогда оживлявшие его тело и дух. Конечно, недоставало жестов, голоса, телодвижений, но властный взгляд заменял все это. Глаза отдавали приказания, благодарили; это был труп, в котором жили глаза; и иногда это мраморное лицо, в верхней половине которого зажигался гнев или светилась радость, бывало действительно страшно. Только три человека умели понимать несчастного паралитика: Вильфор, Валентина и тот старый слуга, о котором мы уже упомянули. Но так как Вильфор видел отца только изредка и лишь тогда, когда это было, так сказать, неизбежно, а когда видел — ничем не старался угодить ему, даже понимая его, то все счастье старика составляла внучка. Благодаря самоотверженности, любви и терпению, Валентина научилась читать по глазам все мысли Нуартье. На немой и никому другому не понятный язык она отвечала всем голосом, лицом, всей душой, так что между молодой девушкой и неподвижным стариком, стоящим на краю могилы, но обладавшим, тем не менее, огромными знаниями, неслыханной проницательностью и настолько сильной волей, насколько это возможно для духа, который томился в теле, переставшем ему повиноваться, возникали оживленные беседы.

Таким образом, Валентине удалось разрешить непростую задачу: понимать мысли старика и передавать свои; и поэтому она почти всегда угадывала желания этой живой души, потребности полубесчувственного трупа.

Что касается Барруа, то он, как мы сказали, служил своему хозяину уже двадцать пять лет и так хорошо знал все его привычки, что Нуартье почти не требовалось о чем-либо его просить.

Вильфору не нужна была ничья помощь, чтобы начать с отцом разговор, ради которого он и пришел. Вильфор, как уже было сказано, отлично знал весь словарь старика, и если редко с ним беседовал, то только из-за полного равнодушия к отцу. Поэтому он позволил Валентине спуститься в сад, отослал Барруа и уселся по правую руку от старика, между тем как г-жа де Вильфор села слева.

— Не удивляйтесь, сударь, — сказал он, — что Валентина не пришла с нами и что я отослал Барруа; беседа, которая нам предстоит, не могла бы вестись в присутствии дочери или лакея. Госпожа де Вильфор и я должны вам кое-что сообщить.

Во время этого вступления лицо Нуартье оставалось безучастным, тогда как взгляд Вильфора, казалось, хотел проникнуть в самое сердце старика.

— Мы уверены, госпожа де Вильфор и я, — произнес королевский прокурор своим обычным ледяным тоном, казалось, не допускающим каких-либо возражений, — что вы сочувственно встретите это сообщение.

Взгляд старика был по-прежнему неподвижен; он просто слушал.

— Мы выдаем Валентину замуж, — продолжал Вильфор.

Восковая маска не могла бы остаться при этом известии более холодной, чем лицо Нуартье.

— Свадьба состоится через три месяца, — произнес Вильфор.

Глаза старика были все так же безжизненны.

Тут заговорила г-жа де Вильфор.

— Нам казалось, — поспешила добавить она, — что это известие должно вас заинтересовать; к тому же вы, по-видимому, всегда были привязаны к Валентине; нам остается только назвать вам имя молодого человека, который ей предназначен. Это одна из лучших партий, на которые Валентина могла бы рассчитывать; тот, кто станет ей мужем и чье имя вам, вероятно, знакомо, хорошего рода и богат, а его образ жизни и вкусы служат для нее порукой счастья. Речь идет о Франце де Кенель, бароне д'Эпине.

Пока его жена произносила эту маленькую речь, Вильфор еще пристальнее, чем раньше, вглядывался в лицо старика. Едва г-жа де Вильфор произнесла имя Франца, как в глазах Нуартье, так хорошо знакомых сыну, что-то дрогнуло, и в них сверкнула молния.

Королевский прокурор, знавший о непримиримой вражде, когда-то существовавшей между его отцом и отцом Франца, понял причину волнения старика, но сделал вид, будто ничего не заметил, и заговорил, продолжая речь своей жены:

— Вы отлично понимаете, сударь, как важно, чтобы Валентина, которой скоро минет девятнадцать лет, была, наконец, пристроена. Тем не менее, обсуждая это, мы не забыли о вас и заранее условились, что в том случае, если муж Валентины не согласится жить вместе с нами — это могло бы стеснить молодую чету, — вы будете жить в их доме; ведь Валентина вас очень любит, и вы, по-видимому, отвечаете ей такой же любовью. Таким образом, ваша привычная жизнь ни в чем не изменится, и разница будет только в том, что за вами будут ухаживать двое детей вместо одного.

Сверкающие глаза Нуартье налились кровью.

Очевидно, в душе старика происходило что-то ужасное; очевидно, крик боли и гнева, не находя себе выхода, душил его, потому что лицо его побагровело и губы стали синими.

Вильфор спокойно отворил окно, говоря:

— Здесь очень душно, поэтому господину Нуартье трудно дышать.

Затем он вернулся на место, но остался стоять.

— Этот брак, — прибавила г-жа де Вильфор, — по душе господину д'Эпине и его родным; их, впрочем, только двое — дядя и тетка. Мать умерла при его рождении, а отец был убит в тысяча восемьсот пятнадцатом году, когда ребенку было всего два года, так что он вполне самостоятельный молодой человек.

— Загадочное убийство, — сказал Вильфор, — виновники которого остались неизвестны, хотя подозревали многих.

Нуартье сделал такое усилие, что его губы искривились, словно для улыбки.

— Впрочем, — продолжал Вильфор, — истинные виновники, те, кто знает, что именно они совершили преступление, те, кого при жизни может постигнуть человеческое правосудие, а после смерти небесное, были бы рады оказаться на вашем месте и иметь возможность предложить свою дочь Францу д'Эпине, чтобы устранить даже тень какого-либо подозрения.

Нуартье овладел собой усилием воли, которого трудно было бы ожидать от беспомощного паралитика.

— Да, я понимаю вас, — ответил его взгляд Вильфору; и в этом взгляде выразились одновременно глубокое презрение и гнев.

На это королевский прокурор ответил только легким пожатием плеч, хотя все прекрасно понял.

Затем он знаком предложил жене подняться.

— А теперь, — сказала г-жа де Вильфор, — позвольте нам откланяться. Угодно ли вам, чтобы Эдуар зашел поздороваться?

Было условлено, что старик выражал согласие, закрывая глаза, отказ — миганием, а когда ему нужно было выразить какое-нибудь желание, поднимал глаза к небу.

Если он хотел видеть Валентину, то закрывал только правый глаз.

Если он звал Барруа, то закрывал левый.

Услышав предложение г-жи де Вильфор, он усиленно заморгал.

Та, видя явный отказ, закусила губу.

— В таком случае я пришлю к вам Валентину, — произнесла она.

— Да, — ответил старик, быстро закрывая глаза.